

МОЛОДОСТЬ СТРАНЫ АНГКОРА

И. ЩЕДРОВ

ПЕРВЫЙ МОРСКОЙ ПОРТ

НАД Тихим океаном полыхал багровый закат. Огромное раскаленное солнце уже наполовину опустилось в океан, окрасив бушующую водную стихию в ярко-огненные тона от оранжевого до темно-коричневого. Взметнувшиеся к небу кокосовые пальмы, еще совсем недавно отчетливо видневшиеся на берегу, постепенно сливались в причудливую темную рощицу. Нас на берегу двое. Сидим мы на перевернутой рыбацкой лодке и, словно зачарованные, смотрим на эту первозданную красоту. Ин Дит, 50-летний рыбак-камбоджиец с бронзовым от загара мускулистым телом и натруженными морщинистыми руками, в традиционной расшитой узором юбке, неотрывно смотрит вдаль, попякивая своей трубкой. Лишь изредка мы обмениваемся мало значащими репликами на ломаном французском языке. Познакомились мы здесь, на берегу, случайно, всего полчаса назад.

Я замечаю, что рыбак с волнением смотрит не на море, а на протянувшуюся в океан узкую стрел-

ку, ведущую к причалам порта Сиануквиля, на стоящие у причала два огромных океанских лайнера. «Вот этого не довелось увидеть ни моему деду, ни моему отцу. Город видели? Первый наш морской порт, да, такого еще не было», — и он снова умолкает.

В городе я провел весь день. Десять лет назад на этих холмах шумели вековые джунгли, по которым пробирались, ломая деревья, стада диких слонов. В городском музее есть запись: «8 июля 1955 года в эти места прибыли первые 400 строителей». Высаживались первые строители на баркасах, с близлежащих островов доставляли материалы, технику. Лишь пять лет назад Сиануквиль соединило со столицей 226-километровое шоссе. Сейчас здесь можно встретить новоселов из различных уголков Камбоджи. Население приближается к 15 тысячам человек. На центральной площади по вечерам иг-

У причалов порта Сиануквиля.

рают разноцветные огни реклам. Рядом с кинотеатром (пока единственным) примостились бензоколонки конкурирующих фирм: «Калтекс», «Эссо» и «Шелл».

Город очаровывает сразу: дремучие джунгли, гигантские валуны, зеленые холмы, а рядом — новые дома, ультрасовременное семиэтажное здание Дворца заседаний, красавец порт.

Об этом городе в Камбодже говорят с нескрываемой гордостью. Но иногда мне приходилось слышать, чаще всего от американцев, речи, в которых звучало нескрываемое раздражение: порт нерентабелен, транспортировка грузов стоит непомерно дорого и вообще это лишь эффектная, но пустая пропагандистская затея Сианука. О важном значении порта для жизни страны мне взволнованно говорил г-н Ван Моливан, государственный секретарь по делам общественных работ:

— В колониальный период Камбоджа была глухой провинциальной окраиной безликого «французского» Индокитая. Продукция сельского хозяйства отсюда отправлялась по Меконгу во Вьетнам, а потом уже и по морю в другие страны. Камбоджа, 500-километровая приморская полоса которой имеет десятки заливов и бухт, до самого последнего времени не имела своего морского порта. Ведь вам известно, что Южный Вьетнам и Таиланд при подстрекательстве США занимают по отношению к нейтральной Камбодже враждебную позицию. Поэтому Сиануквиль приобретает особенно важное значение. Грузооборот порта растет быстрее, чем было предусмотрено в планах. Лишь за последние четыре года он увеличился более чем в 10 раз. Да, — соглашается Ван Моливан, — пока перевозка больших грузов по шоссе стоит очень дорого, но ведь уже сейчас мы прокладываем из столицы в порт железную дорогу, и тогда ввоз и вывоз через Сиануквиль будут более выгодными, чем, например, транспортировка по Меконгу с транзитом через Южный Вьетнам.

ЖЕМЧУЖИНА ТРОПИКОВ

Господин Теп Пхан, мэр камбоджийской столицы, в Москве не бывал. «Два раза я уже почти собирал чемоданы для поездки в Москву, но так и не смог выехать: всегда случалось что-нибудь чрезвычайное. Уж в третий раз надеюсь попасть, должна же быть справедливость на этом свете, — шутит он. — У нас сложились хорошие отношения с Москвой, москвичами. Мечтаю побродить по Москве, изучить ваш опыт градостроительства. И в других областях, что найдем полезного, применим у нас. Но главным условием для этого должен быть мир. Вас интересует наш город? Ну что же, давайте-ка лучше пройдемся по нему».

Пном-Пень основан в XV веке, с 1866 года стал королевской резиденцией Народомов. Но не памятники древней культуры определяют своеобразие лица столицы. Город нередко называют Юго-Восточной жемчужиной тропиков Азики за его, если можно так выразиться, современный вид.

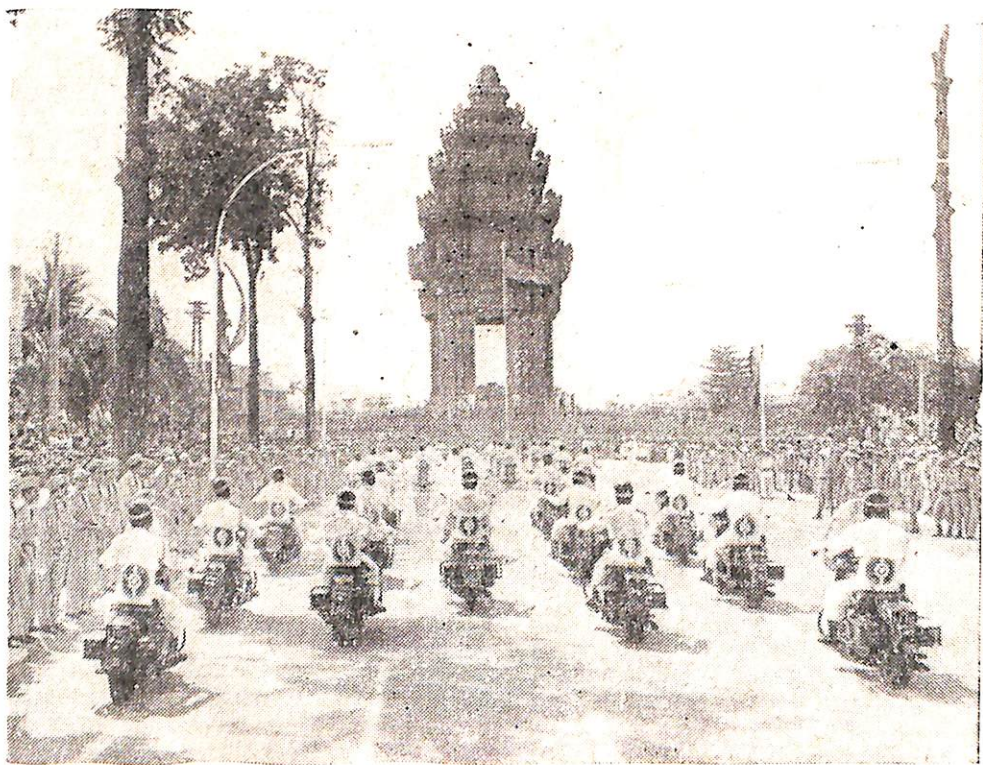
К Пном-Пеню нельзя применить готовую формулу «типичный восточный колониальный город, центр которого чисто европейский, а грязные окраины чисто азиатские».

У города есть и довольно грязные окраины, и европейские виллы в центре, но не это сегодня главное в столице, а те новые современные улицы и здания, чей национальный колорит, восходящий к зодчим древнего Ангкора, не заметить просто невозможно. Прямые проспекты, зеленые бульвары с изумительными фонтанами, играющими всеми цветами радуги, построены в последнее десятилетие. Бывший до 1953 года одним из глухих провинциальных центров «французского» Индокитая, город, население которого колебалось в пределах 100 тысяч человек, сейчас насчитывает 500 тысяч жителей. В ответ на вопрос, по чьему проекту построены эти замечательные здания новой камбоджийской архитектуры, нередко слышишь: Ван Моливана.

Ван Моливану нет и сорока. Черные густые брови, бакенбарды, коротенькая бородка, смуглое лицо и открытая улыбка. «Добро пожаловать, — обращается он ко мне и предлагает: — Давайте до беседы зайдем в национальное проектное бюро, это рядом, в соседних комнатах». На стенах бюро проекты новых кварталов столицы, Сиануквиля. То и дело к нему за советами подходят проектировщики. «Всего в национальном проектном бюро около 50 сотрудников, большего, — рассказывает Ван Моливан, — пока создать не удалось, кадров не хватает. Мы мечтаем по новым проектам в будущем вести реконструкцию и застройку всех крупных городов страны. А пока наше «экспериментальное поле» — Пном-Пень и Сиануквиль».

Родился Ван Моливан в 1926 году в провинции Кампот, в 1956 году в Париже получил высшее образование. После возвращения на родину им была построена первая вилла. «В основе нашей современной архитектуры, — поясняет Ван Моливан, богатые традиции древних зодчих Камбоджи, из иностранной ар-

Пном-Пень. Парад у Монумента независимости

хитектуры хотелось бы отметить благотворное влияние французской и русской школ. Уделяя большое внимание развитию национальной, самобытной архитектуры, мы учитываем современные достижения мирового градостроительства, стремимся использовать новые строительные материалы, не забывая о капризном климате тропиков».

Беседа продолжается в машине, на которой мы совершаем экскурсию по городу. Смотрим последние «детища» Ван Моливана. Первая остановка на берегу Меконга. Новое здание Зала конференций. Старинные причудливые силуэты здания, шпиль, а внутри современный, с прекрасной акустикой, прохладный зал на 700 мест.

Несколько ниже по течению реки — театр. Сцена смотрится с двух сторон: из зала и из парка. Для тропиков, где круглый год лето, для страны, где так любят балет, это очень удачное сочетание.

До олимпийского стадиона, расположившегося на окраине Пном-Пеня, от Меконга минут 15—20 езды на машине. Над землей в форме кратера вулкана поднимается чаша стадиона на 60 тысяч зрителей. При строительстве приходится учитывать и такие «детали», как нашествие термитов. Вокруг трибун идет «садовое кольцо», а затем небольшой обводной канал — опытные защитные укрепления от всеядных термитов. Даже в душные дни в залах и на трибунах будет нежарко, более того, как утверждают строители, прохладно благодаря хорошо продуманной системе естественной вентиляции.

Если сюда добавить летнюю резиденцию принца Сианука и Монумент независимости, жилые корпуса и государственные учреждения, то будет ясен широкий диапазон поисков и находок талантливого архитектора.

Ван Моливан в 1963 году побывал в Советском Союзе. Когда речь заходит о его поездке, сначала я слышу лишь короткие фразы: «О, Ленинград!», «О, Дворец съездов!» Понравилось ему у нас многое, но особенно запали в память Дворец пионеров в Москве, Кировский стадион в Ленинграде.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ...

Шершавая рабочая рука медленно выводит мелом по-русски на черной доске: «Здравствуй! Сегодня я занимаюсь на курсах русского языка. Как дела? Где твой молоток? Дай мне его! Спасибо!» Двадцать пар глаз внимательно смотрят на доску. А в окна виднеются ажурные многоэтажные современные корпуса и голубое небо. Люди за партами разные. Вот в углу сидит 17-летний парнишка, а впереди сутулая спина 50-летнего рабочего. В здании Национального технологического института идут занятия. Руководит ими в свободное от работы время Гриша Гиндин, переводчик группы советских специалистов-строителей. Эти курсы не предусмотрены никаким соглашением, рождены самой жизнью, большой тягой строителей-камбоджийцев к нашей стране.

На мой вопрос: почему они учат русский язык, отвечают по-разному. Вот некоторые из ответов. Меах Пхон: «Потому что хочу работать с русскими, хочу побольше узнать о России». Тен Савуон: «Потому, что на этом языке разговаривают народы всего мира». Когда занятия в «народном университете»

подходят к концу, за окнами уже темно и виден хоровод ярких звезд.

А днем в пахнущих свежей краской аудиториях этажом ниже шли занятия на подготовительных курсах в институт. Мы беседуем с будущими студентами первого технического вуза страны. Лим Ким Чонгу, крестьянскому парню, 19 лет. Впервые в Пном-Пень попал десятилетним мальчиком с отцом на ярмарку. Помогал нянчить сестренку и братишек, пасти буйволов. «Семи лет меня приняли в школу при буддийской пагоде, — рассказывает он. — Мои родители так мечтали, чтобы я был образованным».

У Чонга черная копна волос, веселые карие глаза. «Кем я мечтаю быть? — говорит он. — Архитектором. Я хочу строить красивые современные дома, чтобы лучше жил наш народ, наши крестьяне»... «Чонг, — спрашиваю я парня, — а что ты думаешь о моей стране?» — «Советский Союз — самая мощная страна в мире. У вас много ученых, вы первые в техническом прогрессе, в техническом образовании. Спутник — это здорово! Мы тоже за политику мирного сосуществования. Мы знаем, что вы оказываете помощь многим народам в их борьбе за национальную независимость, в том числе и нам. За это спасибо».

Унг Тиеп Ним, восемнадцатилетний смуглый парень, родился в пригороде Пном-Пеня. «Я мечтаю стать первым в стране инженером-гидрологом, специалистом по ирригации. Ведь у нас можно собирать по два и три урожая, если решить проблему ирригации. А это улучшило бы жизнь крестьян, народа», — рассказывает он.

Каждый из этих парней мечтает, и их мечты реальны. Осенью 1964 года дар Советского правительства камбоджийскому народу — Национальный технологический институт кхмеро-советской дружбы был официально передан камбоджийцам. В нем на пяти факультетах будет обучаться свыше 1000 студентов, будущих энергетиков и технологов по волокну, горняков и гидрологов, архитекторов и строителей.

НТИ — не первый маяк камбоджийско-советской дружбы. С 1960 года действует современный госпиталь на 500 коек, построенный с помощью Советского Союза.

А сейчас, когда пишутся эти строки, на южной реке Камчай работают партии советских и камбоджийских изыскателей. Через несколько лет здесь будет сооружена при участии СССР крупнейшая в стране гидроэлектростанция. Мощность ее — 50 тысяч киловатт, то есть столько сколько дают сейчас все электростанции Камбоджи. После пуска электрической ГЭС стоимость каждого киловатт-часа электроэнергии, по самым скромным подсчетам, будет в несколько раз ниже, чем теперь. Именно здесь, в несколько раз ниже, чем теперь, «боевое крещение» перенала Камчае, получают свое «боевое крещение» первые выпускники НТИ инженеры-энергетики.

НЕЙТРАЛИТЕТ И МИР — ДА, ЯНКИ И ВОЙНА — НЕТ!

Мне не хотелось бы, чтобы у тех, кто прочитает эти беглые путевые заметки, создалась картина эталонного всеобщего благоденствия. Мне нередко приходилось слушать рассказы крестьян о пауках-ростов-

(Окончание см. на стр. 45)